

О.В. Калятин

ведущий юрист по интеллектуальной собственности ОАО «РОСНАНО», доцент Российской школы частного права при Президенте РФ, член кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности, кандидат юридических наук

Законодательство об интеллектуальной собственности XXI века: тенденции развития

В статье рассматривается развитие законодательства об интеллектуальной собственности. Особое внимание уделяется возможным направлениям дальнейшего развития правового регулирования в этой сфере. Автор делает свои предположения о том, что ожидает общество в ближайшие десятилетия, анализируются возможные опасности и проблемы, с которыми столкнется законодательство в области интеллектуальной собственности. С точки зрения складывающихся тенденций рассмотрены последние проекты изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, авторское право, патентное право, российское и зарубежное законодательство, тенденции развития законодательства.

Право не остается неизменным — меняется общество, и право меняется вместе с ним. За последние 20 лет мы прошли через несколько этапов серьезного развития законодательства об интеллектуальной собственности. Сейчас мы стоим на пороге очередных изменений, которые позволят законодательству в этой сфере охватить, в частности, новые электронные способы использования результатов интеллектуальной деятельности. Но тем важнее оценить общее направление развития в этой сфере, его перспективы и предположить, к какой модели регулирования мы придем через несколько лет или даже десятилетий.

Задача эта не только интересная, но и весьма важная, так как хотя законодательство и реагирует на экономические потребности общества, но верно и обратное — успешность бизнеса не в последнюю очередь зависит и от того, насколько он оказывается готовым к применению тех или иных моделей правового регулирования, складывающихся в соответствующих сферах деятельности. Кроме того, поняв, как формируются тенденции развития законодательства, выявив его направления, легче управлять процессом его совершенствования, избегая отдельных ошибок, в том числе и выбора заведомо тупиковых путей.

Конечно, делать прогнозы на будущее — дело неблагодарное¹, но попытаться все же можно. История развития законодательства об интеллектуальной собствен-

¹ Показательно, например, что известный российский цивилист И.А. Покровский писал о вопросе потенциальной возможности замены частноправовой организации хозяйства организацией

ности показывает, что специфические черты регулирования в этой сфере достаточно устойчиво наблюдаются на каждом новом этапе развития в большинстве стран мира. Таким образом, абстрагируясь от специфических особенностей, неизбежно существующих в каждой отдельной стране, можно попытаться выявить общие черты развития правового регулирования.

Говоря о развитии законодательства в сфере интеллектуальной собственности, прежде всего следует отметить значительную его зависимость от технического прогресса в обществе. Возникают новые результаты интеллектуальной деятельности (например, кинофильмы, программы для ЭВМ, топологии интегральных микросхем и т.д.), которые, становясь неотъемлемой частью жизни общества, требуют и адекватного правового регулирования. Но технический прогресс порождает новые способы использования результатов (сообщение в эфир и по кабелю и т.д.), а в некоторых случаях очевидно и возникновение новых сфер их использования. Самым ярким примером этого за последние десятилетия стало появление Интернета и других информационно-коммуникационных сетей.

Исторически законодательство об интеллектуальной собственности пассивно реагировало на происходящие в технике изменения. До поры до времени игнорируя возникшую проблему, законодатель не предпринимал активных действий по решению назревающих сложностей, а затем в одночасье вводил в соответствующий закон норму, ориентированную специально на проблемную ситуацию. Так, например, в законодательстве появились такие способы использования произведений, как сообщение в эфир и сообщение по кабелю, ориентированные на определенные технологии. Не далеко от них ушло и «доведение до всеобщего сведения».

В развитии законодательства об интеллектуальной собственности четко прослеживаются этапы, общие для большинства стран мира, находящихся на близком уровне развития. Все страны с развитой промышленностью проходили этап предоставления изобретателю права по типу привилегии, сменившийся затем этапом появления принципа облигаторной охраны. Особенно заметно это с середины XIX в., когда принятие нового законодательства, построенного на основе схожих моделей, стало весьма заметным. С конца 60-х гг. XIX в. (практически всего за 20 лет) в большинстве европейских стран было принято патентное законодательство, построенное на облигаторном принципе. Корректировка законодательства последовала в 10–20-е гг. XX в., затем в конце 60-х гг. произошел кардинальный пересмотр патентного права, потом пришла эпоха законов 90-х гг. и т.д. То же самое можно сказать и о законодательстве об авторском праве, о товарных знаках и т.д.

Дело тут не только в подражании (хотя и этот фактор имеет значение), но еще и в том, что использование интеллектуальной собственности зачастую выходит за пределы государственных границ. Это заставляет законодателя стремиться к определенной унификации используемых моделей на международном уровне, создавая тем самым возможность использования соответствующего объекта.

Таким образом, рассматривать тенденции развития законодательства нужно, не ограничиваясь процессами, происходящими в России. Пусть и со своими особенностями, но наиболее важные идеи, определяющие очередной этап развития зако-

социалистической: «Решение же его, очевидно, не есть дело сегодняшнего или завтрашнего дня» (Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. С. 48). И написано это в июне 1917 года!

нодательства в этой области, неизбежно найдут свое отражение и в национальном законодательстве.

Какому же этапу соответствует действующее российское законодательство об интеллектуальной собственности?

Следует признать, что после принятия части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) в нашей стране было сформировано законодательство, соответствующее всем требованиям сегодняшнего дня. Немаловажно, что оно отражает и идейное наполнение современной доктрины права интеллектуальной собственности. Многие только намечающиеся тенденции развития правового регулирования нашли свое отражение в этом законе, что дает нам возможность надеяться на сохранение его актуальности и в дальнейшем. В то же время в части четвертой ГК РФ есть и серьезный пробел: почти полное отсутствие регулирования электронных форм использования интеллектуальной собственности, что особенно важно для объектов авторского права. Именно поэтому большое внимание восполнению этого пробела уделено в проекте изменений в ГК РФ, разработанном на основе Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации². В случае успешного принятия указанного законопроекта данный пробел будет заполнен. Но в проекте есть и иные интересные идеи.

Остановимся более подробно на складывающихся тенденциях в регулировании отдельных аспектов интеллектуальной собственности.

Начнем с объекта. В первую очередь здесь следует отметить появление новых объектов, расширение их круга. На первый взгляд, в данном случае следует различать объекты, появление которых обусловлено развитием технического прогресса (объекты биотехнологий, интернет-сайты и т.д.), и объекты, в отношении которых регулирование появилось под действием определенных потребностей коммерческого оборота (коммерческие обозначения и др.).

На некоторые объекты эти факторы оказывают совместное воздействие (например, базы данных), однако в любом случае необходимо сознавать, что определенный объект появляется в законодательстве только тогда, когда формируется очевидная общественная потребность в создании специального правового регулирования. В первую очередь здесь важны экономические факторы, так как именно стремление бизнеса защитить свои интересы в соответствующей области обычно является движущей силой, заставляющей изменять законодательство. Социальные факторы зачастую проявляются в формировании особых изъятий из общих правил, разработке случаев свободного использования объекта и т.д. В результате взаимодействия таких противоречивых интересов складывается правовой режим того или иного объекта.

Однако наряду с тенденцией расширения числа специфических правовых режимов следует обратить внимание и на противоположную тенденцию — унификацию таких режимов. Выше говорилось об унификации правового регулирования в разных странах, но тенденция унификации законодательства в сфере интеллектуальной собственности имеет еще одно интересное проявление, подчас остающееся вне внимания исследователей, — сближение правовых режимов разных объектов.

² Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации утверждена Президентом Российской Федерации 13 октября 2009 г. № Пр-2745.

Поиск в теории общих характеристик интеллектуальной собственности, продолжавшийся много десятилетий³, привел к тому, что одни и те же модели стали применяться к определению содержания прав на разные виды интеллектуальной собственности, к ограничениям прав, к распоряжению правами и их защите (гл. 69 ГК РФ). Логическим итогом этого процесса стало принятие части четвертой ГК РФ, в которой регулирование не только построено на основе общих моделей, но и выделен целый блок общих норм, подлежащих применению ко всей интеллектуальной собственности.

Схожие процессы шли и за рубежом. Свидетельством этого являются появление на международном уровне такого документа общего характера, как Соглашение о торговых аспектах права интеллектуальной собственности (*Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights*), и включение норм об интеллектуальной собственности в гражданские кодексы ряда стран. Данная тенденция определяется, конечно, не пожеланиями отдельных теоретиков, а объективными потребностями общества: разнотипные результаты интеллектуальной деятельности часто используются в комплексе и применение к ним взаимно конфликтующих моделей будет непозволительной роскошью.

Здесь также следует обратить внимание на тенденцию общего усложнения результатов интеллектуальной деятельности, которую мы наблюдаем в течение последних ста лет. Современная технология зачастую объединяет в себе десятки и сотни отдельных технических решений, без которых достижение желаемого результата оказывается невозможным. Аналогичная ситуация существует и в иных областях интеллектуальной собственности: сложную структуру, включающую самые разные результаты интеллектуальной деятельности, имеют кинофильмы и иные аудиовизуальные произведения, программы для ЭВМ, базы данных, интернет-сайты, театральные зрелищные представления и т.д.

Очевидно, что для подобных случаев нужно иметь особые правила, позволяющие работать с таким объектом как с единым целым, а не как с огромным множеством отдельных результатов интеллектуальной деятельности. Это включает закрепление права на единый объект, его использование без необходимости согласовывать с каждым лицом, так или иначе участвовавшим в разработке объекта, распоряжение правом на него, защиту прав и т.д. Потребность разработки общих моделей регулирования для таких объектов стала очевидной с появлением кинофильмов, но сегодня наличие сложного состава у результата интеллектуальной деятельности — это не исключение, а совершенно стандартная ситуация.

В этом отношении можно признать чрезвычайно своевременным появление в гражданском праве концепции сложного объекта. Признание аудиовизуального произведения, театрально-зрелищного представления, мультимедийного продукта, единой технологии сложным объектом позволяет облегчить закрепление прав на такой объект, распоряжение правом, защиту против недобросовестных участников создания сложного объекта. На данный момент перечень сложных объектов, данный в ст. 1240 ГК РФ, является закрытым. Однако наука не стоит на месте и не

³ См., напр., такие революционные работы столь разных эпох, как: *Пиленко А.А.* Право изобретателя. Пг., 1902; *Ионас В.Я.* Произведения творчества в гражданском праве. М., 1972; *Дозорцев В.А.* Новая эра в охране исключительных прав. Система прав и система законодательства // Право и экономика. 1995. № 15–16. С. 28–39.

исключено, что в ближайшее время в этот перечень войдут еще два объекта: базы данных и интернет-сайты. Возможно, список следует расширить и далее. В любом случае вопросы существования и использования сложных объектов будут актуальными еще многие годы.

Наконец, еще одной тенденцией развития законодательства в связи с усложнением объектов и их совместным использованием является приобретение правовым регулированием в этой сфере комплексного характера. Один и тот же объект может выполнять различные функции и играть различные роли, иногда выступая как самостоятельный объект, иногда входя в состав другого объекта или функционально объединяясь с ним.

Наиболее ярким примером являются базы данных, которые могут в одних случаях рассматриваться как самостоятельные результаты интеллектуальной деятельности (в части структуры), в других случаях — как объединение иных материалов, наконец — как объективированный результат организационной деятельности. Базы данных в силу своей природы оказываются вовлеченными в целый комплекс сложных взаимосвязанных отношений разных лиц, и регулировать такие отношения также следует в комплексе. Логичным шагом стало включение в законодательство особого правового режима права изготовителя базы данных, находящегося во взаимосвязи с режимами объектов авторских прав, материалов информационного характера и т.д. Однако в рамках этого режима будет урегулирована только часть отношений по созданию и использованию базы данных. Представляется, что выстраивание системы правового регулирования в отношении одного объекта, при котором различные взаимосвязанные правовые режимы будут активизироваться в разных ситуациях, станет характерной чертой развития законодательства в ближайшем будущем.

От объектов перейдем к субъектам. Здесь мы тоже видим усложнение субъектного состава, что находит свое отражение в законодательстве.

В прошлом создание результата интеллектуальной деятельности всегда носило индивидуальный творческий характер. Создавая произведение науки, литературы или искусства или изобретение, человек реализовывал свой творческий потенциал, проявлял свою творческую индивидуальность. Даже если в этом процессе участвовал и другой автор, само понятие соавторства предполагало совместную творческую работу над объектом⁴. Однако со временем все чаще стали встречаться объекты, создаваемые большими коллективами, в которых вклад отдельного участника просто растворялся, становился незаметным. С правовой точки зрения это приводит к нескольким важным последствиям:

- ♦ отношения соавторства в значительной части заменяются отношениями сотрудничества, при которых лицо выполняет свою часть работы, но в формировании творческого замысла в отношении всего объекта такое лицо не участвует. Соответственно, распространение получает новая структура отношений по созданию объекта: несколько лиц, являющихся соавторами в отношении всего объекта в целом,

⁴ На этом основано и лишение статуса автора лиц, оказавших автору только техническое, консультационное, организационное или материальное содействие или помощь либо только способствовавших оформлению прав на результат интеллектуальной деятельности или его использованию, а также лиц, осуществлявших контроль за выполнением соответствующих работ (п. 1 ст. 1228 ГК РФ).

и большой коллектив лиц, участвующих в его создании, но соавторами не являющихся. Введенная в отношении аудиовизуальных произведений (ст. 1263 ГК РФ) такая структура, вероятно, получит дальнейшее распространение и в отношении иных объектов;

- ♦ все чаще возникают сложности с квалификацией деятельности лица как творческой, поскольку при коллективной работе над объектом действия отдельного лица схематизируются, упрощаются. Такому лицу нелегко проявить свою индивидуальность, а на формирование общего творческого замысла в отношении произведения он уже не влияет;

- ♦ ослабляется контроль отдельного лица за использованием объекта в целом, причем это не только касается ограничения исключительного права, но и проявляется в ослаблении личных неимущественных прав;

- ♦ коллектив становится особым субъектом прав (см., например, ст. 1314 ГК РФ о коллективе исполнителей).

С другой стороны, использование произведения тоже часто носит коллективный характер. При этом для правообладателя пользователь выступает часто в виде обезличенного субъекта, меняется характер взаимоотношений между ними. Характерным становится широкое распространение таких инструментов, как «оберточные» лицензии, договоры, заключаемые щелчком мыши по кнопке «я согласен», «подразумеваемые» лицензии (прежде всего — в англосаксонской системе).

Следствием отмеченного характера использования объекта является и возрастание роли посредников, участвующих в процессе установления отношений между правообладателем и пользователем, среди которых особо следует отметить организации по управлению правами на коллективной основе, причем можно ожидать развития их деятельности не только в области авторских и смежных прав, но и в сфере результатов технического творчества. Это также приводит и к возрастанию роли профессиональных консультантов, например патентных поверенных. Соответственно, можно ожидать дальнейшего усиления внимания к законодательству в этой сфере.

Отдельно стоит остановиться на роли интернет-провайдеров. Общество сейчас пришло к осознанию, что именно интернет-провайдеры могут стать тем звеном, воздействуя на который, можно усилить борьбу против нарушений интеллектуальных прав в Сети. В связи с этим перед законодателем стоит задача: с одной стороны, установить ответственность интернет-провайдера за действия, совершаемые на его интернет-ресурсе, а с другой — ограничить ее таким образом, чтобы бизнес интернет-провайдера не стал для него минным полем. Задача весьма непростая и подходов к ней известно несколько (в частности, анализируя различия между принятым в США Digital Millennium Copyright Act и французским Haute Autorité pour la diffusion des œuvres et la protection des droits sur internet (далее — HADOPI), можно заметить ужесточение подхода к ответственности провайдеров). Предлагаем и свой вариант проекта изменений в часть четвертую ГК РФ. Надеемся, что его удастся реализовать в ближайшее время.

Однако важно понимать, что внимание, которое привлечено к интернет-провайдерам, — это не случайный каприз общественного мнения. В условиях массового трудноконтролируемого использования результатов интеллектуальной деятельности именно на посредников будет возложена функция контроля за ис-

пользованием этих объектов. Сознвая все опасности такого подхода (в частности, в отношении свободы поиска и распространения информации), его все же приходится признать объективно неизбежным на данном этапе.

Необходимо обратить внимание и на возрастание роли лиц, организующих процесс создания соответствующих объектов. Традиционный подход, при котором охрана предоставлялась только при наличии творческого вклада в создание объекта, препятствовал признанию за подобными организаторами самостоятельных прав. Начиная с первой половины XX в. недостатки этого подхода становились все более очевидными. Постепенно в законодательстве появились специфические режимы, ориентированные на организационную, продюсерскую деятельность соответствующих лиц. Сначала такие режимы воспринимались как особые исключения из общего режима (характерно, что, например, объекты прав организации эфирного или кабельного вещания и изготовителя базы данных отнесены к результатам интеллектуальной деятельности, хотя по сути таковыми они не являются). По мере роста подобных исключений и возрастания их роли стало понятно, что мы присутствуем при рождении особой группы прав — продюсерских прав.

В настоящее время продюсерские права включают в себя не только исключительные права на соответствующие объекты, но и квазиличные права — право указывать свое наименование и требовать от других лиц указания этого наименования при использовании соответствующего объекта (такие права имеют изготовители фонограмм, изготовители баз данных, работодатели и т.д.). Представляется, что основное развитие законодательства об интеллектуальных правах в ближайшие десятилетия будет осуществляться именно в рамках продюсерских прав.

Наконец, меняется роль конечного пользователя соответствующего продукта. Если до недавнего времени он воспринимался лишь как потребитель, т.е. лицо, получающее продукт, но не участвующее в его коммерческом использовании, то сегодня поведение таких лиц оказывают сильнейшее воздействие на коммерческое использование соответствующего продукта. Изменение роли конечного пользователя — его деятельность приобрела активный характер — привело к тому, что ни правообладатели, ни законодатель не могут больше безразлично относиться к действиям такого лица, получающего доступ к произведению. Не удивительно поэтому, что вроде бы частный вопрос о ряде торрент-трекеров неоднократно обсуждался на международном уровне как существенная проблема международной политики.

Прежде всего, изменение роли конечного пользователя сказывается на развитии содержания соответствующих прав, что мы видим на примере доведения произведения до всеобщего сведения как самостоятельного способа использования произведения, ориентированного на размещение произведения в информационно-коммуникационных сетях при активной роли конечного пользователя. Появление указанного способа использования произведения в законодательстве большинства стран явилось признанием невозможности эффективно использовать традиционный подход (при котором есть издатель — лицо, активно использующее произведение, и публика, пассивно воспринимающая получаемые произведения) к отношениям, возникающим в информационно-коммуникационных сетях.

Но это был только первый шаг. Очевидно, что законодатель будет и дальше учитывать изменение роли конечного пользователя. Наиболее важным следствием

этого стало появление в английском и французском законодательстве особых форм ответственности пользователя Интернета за регулярное скачивание материалов с пиратских сайтов. Этот подход, ориентированный на Интернет и подобные сети, хорошо сочетается и с ужесточением в ряде стран норм, касающихся приобретения для личных нужд продукции с незаконно размещенными товарными знаками.

Важной тенденцией в определении содержания интеллектуальных прав является развитие комплексного подхода к правовому регулированию.

Говоря о регулировании прав на результаты интеллектуальной деятельности, нужно отметить переход от набора самостоятельных правомочий к системе способов использования в рамках единого исключительного права. Это изменение в терминологии не просто технический момент, но проявление тенденции к усилению контроля правообладателя за использованием соответствующего объекта. С 1 января 2008 г. стало невозможно отчуждение отдельных правомочий в составе исключительного права. Теперь исключительное право отчуждается только в целом.

Однако это отнюдь не означает невозможность существования изъятий из исключительных прав. Более того, расширение сферы исключительных прав всегда должно сопровождаться и введением новых случаев свободного использования произведения. Ведь исключительное право введено не столько в силу признания справедливости защиты прав определенного лица, сколько как средство стимулирования творческой деятельности и использования новых результатов интеллектуальной деятельности. Перекос баланса интересов в пользу правообладателя и в ущерб интересам пользователя способен привести к утрате соответствующим правом своей моральной обоснованности, что, в конечном итоге, будет и не в интересах самих правообладателей.

Наконец, рассматривая пределы действия исключительного права, следует отметить наметившуюся тенденцию к переходу от разрешительного подхода к компенсационному. Это проявляется как в расширении случаев, когда допускается свободное использование соответствующего результата интеллектуальной деятельности, так и во введении различных случаев принудительных лицензий. Учитывая массовый характер использования результатов интеллектуальной деятельности и сложность контроля за этим процессом, возможно, что компенсационный подход выйдет на первое место, по крайней мере в отношении цифровых форм использования произведений. Как известно, именно применение такого подхода позволило найти решение для массового использования копировальной техники. Возможно, на тех же принципах можно построить оптимальную модель использования результатов интеллектуальной деятельности в современных информационных сетях.

Еще одной важной тенденцией является перенос внимания правообладателей с самого исключительного права на иные средства, позволяющие контролировать использование результата интеллектуальной деятельности. Центральное место среди них занимают технические средства защиты авторских и смежных прав. Преодоление таких средств приравнивается к нарушению исключительных прав. Таким образом, возможности правообладателя по защите своих интересов существенно расширяются. В частности, он приобретает контроль за доступом к любым объектам, включенным в «контейнер», защищенный указанными техническими средствами, даже если эти объекты находятся в общественном достоянии.

В целях сокращения возможностей для злоупотреблений российский закон включает в понятие технических средств защиты авторских прав только такие средства, которые установлены в отношении произведений. Кроме того, закон определяет, что данный режим будет применяться только к техническим средствам, установленным автором или иным правообладателем (п. 1 ст. 1299 ГК РФ). В отличие от этого в ряде зарубежных стран под такой режим подпадают технические средства защиты и контроля доступа, устанавливаемые иными лицами, например лицензиатами. Это позволило некоторым зарубежным авторам говорить о возникновении нового смежного права⁵.

Не удивительно поэтому, что так резко восприняли правообладатели попытку определить в проектах изменений в ГК РФ случаи, когда бы правообладатель был обязан предоставить доступ к произведению, защищенному соответствующими техническими средствами.

Регулирование личных неимущественных прав автора также не остается неизменным. Может показаться странным, но роль личных неимущественных прав в современном информационном обществе только возросла. Это определяется тем, что личные неимущественные права стали дополнительным средством контроля за точной идентификацией соответствующего объекта. В связи с этим Т. Хейди отмечает: «Учитывая легкость манипулирования произведениями, подлинность становится злободневным вопросом для авторов и других обладателей прав интеллектуальной собственности»⁶.

В то же время имеют место случаи ограничений личных неимущественных прав, обусловленные характером использования таких объектов в современном обществе. Понятно, что невозможно требовать указания имени автора шрифта при каждом его использовании, но столь же неприемлемым окажется и получение согласия на обновление программного обеспечения у каждого из лиц, участвовавших в его создании. Законодатель обычно не затрагивает эту проблему, боясь отказываться от некоторых принципиальных положений авторского права и отдавая данный вопрос на усмотрение судов. На практике неявно признается возможность либо своего рода самоограничения прав, либо распоряжения личными неимущественными правами, пусть и в ограниченном масштабе. Так, еще В.А. Дозорцев писал: «Право на неприкосновенность произведения и право на его опубликование, относимые к неимущественным, не просто влекут за собой имущественные последствия, но и безусловно являются отчуждаемыми, во всяком случае в существенных частях»⁷. Путь самоограничения прав представляется более перспективным, но в любом случае очевидно, что число изъятий из личных неимущественных прав будет только возрастать.

Главной тенденцией в части регулирования распоряжения исключительными правами на интеллектуальную собственность является облегчение оборота соответствующих прав. В этом отношении можно выделить три направления: осла-

⁵ См., напр.: *Bently L., Sherman B. Intellectual Property Law*. N.Y., 2004. P. 305–306.

⁶ *Хейди Т.* Новое толкование права на неприкосновенность произведения в статье 6 bis Бернской конвенции // Бюллетень по авторскому праву. 1998. № 3. С. 6.

⁷ *Дозорцев В.А.* Комментарий к схеме «Система исключительных прав» // Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации. М., 2003. С. 48.

бление жестких требований к форме договора; расширение форм распоряжения правом; допущение распоряжения правом в доле.

Использование более мягкого подхода к оформлению договоров также можно отметить как тенденцию нашего времени. Следует этой тенденции и наша страна. Россия присоединилась к Сингапурскому договору о законах по товарным знакам 2006 г., п. 4 ст. 17 которого запрещает требовать в отношении заявления о регистрации лицензии представления лицензионного договора или его перевода, свидетельства о регистрации товарного знака, указания финансовых условий лицензионного договора. В дальнейшем этот подход нашел отражение в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации и разработанном на ее основе проекте изменений в ГК РФ. Проект предполагает замену регистрации договора регистрацией перехода/предоставления права с отказом от обязательного предоставления договора для всех регистрируемых видов интеллектуальной собственности. Это серьезно упростит процесс регистрации и облегчит положение сторон.

Потребность в расширении форм распоряжения правом в значительной мере определяется особенностями взаимодействия сторон в информационно-коммуникационных сетях. Жесткое следование традиционным подходам к регулированию отношений в случае распоряжения правом способно создать серьезные препятствия для совершения таких сделок. Возникла очевидная потребность в инструменте, позволяющем правообладателю без особых формальностей предоставлять пользователям по всему миру возможность использовать произведение и создавать на его основе новые произведения. При этом желательно обеспечить, чтобы ни одно из лиц, создающих такие производные произведения, не монополизировало их дальнейшее использование. В то же время для авторов и их правопреемников неприемлемым являлся полный отказ от прав на созданный результат интеллектуальной деятельности.

Решение этой задачи велось, прежде всего, по пути развития договорного регулирования. Распространение получило большое число моделей (включая GNU General Public License, лицензии Creative Commons и т.д.), зачастую несовместимых друг с другом. Имплементация этих моделей в странах континентального права столкнулась с определенными трудностями, и даже приспособление типовых договоров к каждой модели заняло в европейских странах несколько лет. Очевидно несоответствие по ряду вопросов таких моделей и существующего законодательства Российской Федерации⁸.

Это, конечно, не говорит о принципиальной непригодности данных моделей для дальнейшего развития в рамках российского права, но серьезные изменения

⁸ Среди основных проблемных моментов можно назвать следующие:

- ♦ проблема идентификации сторон договора;
- ♦ проблема идентификации предмета договора (учитывая, например, что лицензии Creative Commons включают в сферу действия первоначального договора все производные произведения);
- ♦ проблема исполнения требований к форме договора;
- ♦ проблема определения вознаграждения в договоре и безвозмездных соглашений между коммерческими организациями;
- ♦ проблема невозможности ограничить личные неимущественные права автора в связи с необходимостью создания на его основе новых объектов;
- ♦ проблема распространения условий первоначального договора на последующих пользователей (уместно отметить, что система Creative Commons исключает возможность заключения сублицензионных договоров).

в законодательстве потребуются. В связи с этим проект изменений в ГК РФ предлагает иной вариант: возможность правообладателя добровольно самоограничить на определенный срок свои права, разрешив обществу свободное использование соответствующего объекта в указанных таким лицом пределах. Это не отрицает возможности развития договорной модели, но расширяет инструментарий, соответствующий принципам российского права. В любом случае общественное внимание к этой проблеме говорит о том, что потребность в специальных упрощенных инструментах налицо.

Наконец, облегчить распоряжение исключительными правами позволяет и предложенная в проекте изменений в ГК РФ возможность отчуждать долю в исключительном праве (п. 3 ст. 1229 ГК РФ).

Вопросы защиты права также имеют для правообладателей первостепенное значение. Общей тенденцией здесь является усиление ответственности за нарушение интеллектуальных прав, и изменения в Уголовном кодексе Российской Федерации только подтверждают это. Но, кроме этого, здесь можно отметить еще несколько тенденций. Как отмечалось, развитие информационно-коммуникационных сетей поставило на повестку дня вопрос об ответственности провайдера. Глядя на проблему более широко, можно отметить, что изменение характера использования результатов интеллектуальной деятельности вообще будет способствовать постоянному возрастанию роли посредников и усилению их ответственности.

Другой субъект, вопросам ответственности которого законодательство будет уделять значительное внимание в ближайшем году, — это пользователь Интернета, конечный потребитель соответствующего продукта. Как французский, так и английский законы последних лет допускают возможность привлечения к ответственности пользователя Интернета (то, что ранее казалось просто невыполнимым) за скачивание материалов, нарушающих чужие исключительные права с определенных ресурсов. Правда, санкции в таких случаях достаточно своеобразны и выражаются прежде всего в ограничении доступа к Интернету.

Наконец, в сфере ответственности за нарушение прав на интеллектуальную собственность необходимо обратить внимание на возрастание значения процедурных норм, а также роли административных органов в этой сфере (например, здесь можно упомянуть создание **НАДОПИ во Франции**). Это, безусловно, будет способствовать более быстрому рассмотрению возникающих конфликтов и, вероятно, поможет сделать борьбу с нарушениями более эффективной. В то же время остается открытым вопрос, насколько оправдано расширение вмешательства государства в эту сферу в долгосрочной перспективе.

Таким образом, мы видим, что за внешней размерностью и неторопливостью развития законодательства об интеллектуальной собственности скрываются довольно бурные и сложные процессы, затрагивающие интересы многих лиц. При внимательном к ним отношении мы имеем хорошие шансы обеспечить соответствие законодательства потребностям современного общества и сохранить баланс интересов правообладателей, общества и лиц, осуществляющих коммерческое использование интеллектуальной собственности.